

Акихара прекрасно отличал живое от неживого.

Он почти не обращал внимания на Элис с самого начала. Девчонка была лишена искры жизни — скорее послушный инструмент, нежели человек.

Поэтому, когда Мори Огай представил её как свою дочь, Акихара почувствовал мимолетное любопытство.

"Могут ли живое и неживое стать семьей?"

Мори Огай, уловив подтекст его слов, на миг опешил.

Они были знакомы от силы пару минут, да и Элис держалась поодаль. Как этот мальчик понял, что перед ним не живой ребенок, а овеществлённая способность?

Обладает ли он гениальным дедуктивным умом, подобно Эдогаве Ранпо, или его ведет невероятно острое чутьё?

А может, дело в феноменальном слухе, позволившем расслышать отсутствие биения сердца в груди девочки и замерший кровоток?

Мори Огай посмотрел на Акихару с нарастающим интересом.

Или же у мальчишки есть особая способность, позволяющая мгновенно распознавать природу вещей?

Мысли вихрем пронеслись в голове врача. Он проанализировал дюжину версий за доли секунды, так что его удивление сменилось вежливым интересом почти мгновенно.

Встретившись взглядом с алыми глазами мальчика, Мори Огай мягко улыбнулся:

— Скажи, Акихара-кун, почему ты так решил?

Этот вопрос был осторожным прощупыванием почвы. Доктор не только пытался понять ход мыслей собеседника, но и косвенно подтвердил его догадку.

Будь перед ним взрослый, равный по силе или положению, Мори никогда не позволил бы себе подобной откровенности и легкомыслия.

Но Акихара был всего лишь ребенком, на вид пятилетним беглецом. А ребенок — это чистый лист, огромный потенциал для лепки. Кем бы ни оказался этот мальчик, Огай уже загорелся

желанием приручить его и вырастить под своим крылом.

...

Акихара прекрасно видел скрытые мотивы доктора.

Пусть тонкости человеческой психологии и чуждые ему интриги всё ещё казались демону запутанными, огромный жизненный опыт позволял без труда угадывать фальшь.

Впрочем, пока Огай не переступал черту и не угрожал Сатору, Акихара готов был сквозь пальцы смотреть на его мелкие уловки.

А насчет собственной безопасности демон ничуть не беспокоился: у этого смертного попросту не хватило бы сил причинить ему вред.

— Интуиция, — лаконично бросил Акихара.

Он мог бы разложить по полочкам всё, что видит, но зачем тратить слова на пустые объяснения?

Мори Огай уловил холодное пренебрежение в этом ответе, но лишь добродушно усмехнулся:

— Твоё чутьё поразительно острое, Акихара-кун. И всё же Элис — моя семья, и её происхождение не имеет значения. Пожалуй, наша связь даже крепче той, что связывает тебя с твоим младшим братом.

В словах доктора крылась своя правда: Элис была частью его собственного существа, порождением воли, в то время как Сатору оставался лишь кровным братом Акихары.

Отношения подчинения против отношений равенства.

Акихара перевёл взгляд с золотоволосой голубоглазой Элис на темноволосого с темно-красными глазами доктора. Никакого внешнего сходства. Очевидно, что никакой кровной связи между ними не существовало и в помине.

Не прикасаясь к Элис, Акихара не мог применить системную оценку, да и не больно-то хотелось. Он промолчал, выразив красноречивое пренебрежение к хвастовству Мори о «более близких отношениях».

Доктор замолчал, его взгляд потемнел. Посмотрев на уходящую вдаль улицу, он произнёс:

— Мой кабинет совсем рядом. Прошу за мной.

Клиника Мори Огая ютилась на окраине трущоб Йокогамы. В этих богом забытых местах, где царили нищета, грабежи и разбой, законы не писались ни для кого. Раненых и больных здесь всегда хватало с избытком.

Обосновавшись тут, Мори время от времени лечил неимущих бродяг бесплатно, но основным его доходом — и истинным призванием — было латание местных бандитов. Скромный медицинский кабинет служил идеальной ширмой для сбора ценнейших слухов и информации.

Впрочем, диплом Токийского университета доктор Огай получил не за красивые глаза: лечил он превосходно, благодаря чему и удостоился чести стать личным врачом самого босса Портовой мафии.

— Малышу ничего не угрожает, — Огай натянул марлевую маску. Обычный осмотр лихорадящего ребенка под этим леденящим, немигающим взглядом казался сложнейшей операцией на открытом сердце. — Похоже, он надышался парами эфира? В его возрасте передозировка даже слабым наркозом бесследно не проходит, организму потребуется несколько дней на восстановление.

В обветшалом помещении клиники стерильностью радовал разве что смотровой стол. Бережно уложив Сатору на чистые простыни, Акихара замер рядом, не упуская из виду ни одного жеста Мори Огая.

На вопросы врача он отвечал скупой, взвешивая каждое слово.

— Да. Сутки назад один мерзавец усыпил его эфиром.

Доктор сочувственно кивнул. В голове его уже крутились гипотезы: семейные распри? Месть угасающему клану? Кто решился отыграться на невинном младенце? Из-под маски донёсся тихий вздох.

"Этот мальчик изо всех сил строит из себя взрослого циника, но так отчаянно переживает за брата, что почти забыл о бдительности. Прелестно..."

Подобные натуры — колючие снаружи, но преданные до глубины души — идеальный материал для вербовки. Стоит заслужить их верность, и они пойдут за тобой в огонь и воду.

Если они принимают решение, то никогда не сворачивают с пути.

Уголки губ Мори незаметно дрогнули под маской. Сняв её, он закончил осмотр и по-доброму проговорил:

— Я выпишу малышу жаропонижающее. Если сироп подействует, колоть не придется. Но если жар не спадет, сделаем внутримышечный укол.

Акихара бросил взгляд на спящего брата и коротко кивнул:

— Хорошо.

Огай направился к шкафу с медикаментами. Детские лекарства в его специфической практике были редкостью, но кое-какие запасы имелись. Перебирая склянки, он непринужденно завязал разговор:

— Как зовут твоего братика, Акихара-кун?

Имя Огай мог бы узнать и позже, подняв свои каналы, но вечно называть ребенка «малышом» было банально неудобно.

— Сатору. Его зовут Годзё Сатору.

Огай наконец отыскал нужную бутылочку с детской микстурой, но, взглянув на срок годности, досадливо поморщился — просрочено.

Придется сбегать в аптеку.

— Вы с Сатору-куном удивительно похожи. Сразу видно — родная кровь. Должно быть, вы очень близки. Но почему вы решили сбежать из дома? — Огай сделал паузу, а затем мягко добавил: — Прости мою бестактность, это лишь праздное любопытство. Если не хочешь, не отвечай.

Братские узы действительно отражались на лицах мальчиков: оба унаследовали черты своего непутевого отца, Годзё Косукэ, хотя Сатору пошел в него куда больше. Акихара же, будучи перерожденным владыкой демонов, с годами всё сильнее менялся под влиянием собственной древней души, обретая черты прежнего грозного облика.

Но их обоих объединяла одна деталь — редкие, сияющие белизной волосы, не оставлявшие сомнений в их родстве.

Акихара посмотрел на спящего младенца.

"Близки ли мы?"

"Наверное, да."

"Ведь стоит мне оказаться рядом, как его ясные глазки ловят каждое мое движение. Он никогда не улыбался Тодзи. Только мне."

На основании этих неопровержимых фактов великий владыка демонов пришел к однозначному выводу: брат от него без ума.

— Да, — обронил он.

Тон был сухим, но чуткое ухо Мори уловило в этом коротком слове нотки искренней гордости и тепла.

"А ты куда простодушнее, чем кажешься, Акихара-кун."

Польщенный признанием их братской связи, Акихара сжалился и решил снизить до ответа на второй вопрос.

Он осторожно протянул руку к сжатому крошечному кулачку Сатору и вложил свой указательный палец в его ладошку. Малыш тут же рефлекторно зажал его во сне.

— Я не доверяю тем, кто остался в клане. Кучка слепых идиотов. Оставь я Сатору с ними, его бы погубили.

В глазах Мори блеснула догадка.

"Значит, древний клан угасает и не смог защитить наследника от нападавших? Ребенок пострадал, и старший брат решился на отчаянный побег..."

Сама мысль о том, что пятилетний ребенок с младенцем на руках находится в большей безопасности на улицах Йокогамы, чем за стенами пусть даже ослабшего клана, казалась Огаю безумием.

Но озвучивать свои сомнения доктор не спешил. Зачем спугивать неограниченный алмаз, который сам плывет к нему в руки?

— Детские лекарства закончились, мне придется ненадолго отлучиться в аптеку, — сказал Мори, достав упаковку. — Пока меня не будет, наклейте Сатору-куну этот пластырь.

Охлаждающие пластыри были универсальными, и их запасы в клинике регулярно обновлялись. К счастью, у этой упаковки срок годности был в полном порядке.

Акихара недовольно поморщился. Доверие к квалификации этого врача стремительно падало.

Нищий доктор, убогий кабинет, да еще и нужных препаратов под рукой не оказалось. Чистой воды дилетантство.

— К слову, Акихара-кун, раз уж вы бежали из дома... Вы успели подыскать жилье? — спросил Мори, проигнорировав скептическую мину на лице мальчика.

Об этом Акихара действительно еще не успел поразмыслить. С того момента, как они покинули поместье Годзё и провалились в этот мир, прошло едва ли два часа.

— Мы останемся у тебя, — без тени сомнения отчеканил он.

Ради здоровья брата Акихара мгновенно принял решение. Он раскрыл ладонь, в которой из ниоткуда материализовался массивный, сияющий слиток золота.

— Этого хватит?

Беловолосый мальчишка с алым взглядом вопросительно уставился на небритого доктора. Мори Огай на мгновение лишился дара речи.

"Где он прятал такую тяжесть?!"

Не успел Огай опомниться, как Акихара небрежно бросил ему слиток. Демон резко обернулся, словно уловив какое-то движение позади.

— А-бу-у...

Сквозь сонный лепет младенца Акихара встретил чистый, широко распахнутый взгляд. На него смотрели бескрайние, как само небо, лазурные глаза.

Глаза, в которых отражался только он один.

<http://bllate.org/book/19395/1988254>